

Т. В. Демьянова

**ПРАГМАТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ
РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ МАНЕВРИРОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

*Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В данной работе сопоставлены конкретные русскоязычные и англоязычные лексико-грамматические средства речевых стратегий намека и смягчения, модифицирующие коммуникативное намерение говорящего в ходе произнесения высказывания. Объектом исследования являются эмоционально-оценочные средства, направленные на реализацию стратегий маневрирования в контексте дипломатического дискурса как последовательности конкретных речевых актов (на материале заявлений и выступлений российского дипломата Василия Небензи). Предмет исследования – их выявление и сравнение под углом зрения прагматических установок употребления. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью анализа характерных русскоязычных и англоязычных средств и приемов стратегий маневрирования, которые находят употребление в контексте дипломатического дискурса, когда положение дел в мире может не вполне способствовать реализации традиционных речевых тактик. В работе были использованы методы описания, сплошной выборки, а также сравнительно-сопоставительный метод. В результате установлено, что русскоязычные лексико-грамматические средства частично соответствуют классификации речевых стратегий маневрирования Ю. Б. Кузьменковой, принятых для англоязычного общения. В частности, выявлено, что техника минимизации значимости не находит активного применения для того, чтобы, например, сдержанно высказать несогласие, выразить неодобрение. Диапазон функциональной семантики русскоязычных частиц шире и сосредотачивается не столько на функции минимизации значимости высказывания, сколько на усилении и выделении значимости. Отмечается использование различных техник в рамках одной стратегии при переводе русскоязычной речи на английский язык. Прагматические установки используемых стратегий также часто не совпадают. Однако, несмотря на встречающиеся различия способов достижения целей, намеки и смягчение признаются неотъемлемыми стратегиями речевого поведения в контексте дипломатического дискурса. При этом проведенный анализ свидетельствует о сложности применения квалификации Ю. Б. Кузьменковой при переходе от эмоционально-оценочной лексики к синтаксису русского языка по причине существования вопросительных предложений фразеологизированной структуры. Они могут предполагать не только смягчение прямых побудительных высказываний, но и утверждение или отрицание с усиленным эмоционально-оценочным значением, что нехарактерно для английской речи, нацеленной на снижение эмоционально-оценочного воздействия речевых актов побуждения, утверждения, несогласия, неприятия, неуверенности, негативной оценки, негативного отношения.

Ключевые слова: *речевой акт, высказывание, коммуникативная цель, прагматическая установка, речевая стратегия, субъективная модальность, модификатор, дипломатический дискурс*

Т. В. Демьянова

**PRAGMATIC PURPOSES OF THE USE OF EVASION SPEECH STRATEGIES
IN DIPLOMATIC DISCOURSE**

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The paper compares specific Russian and English lexical and grammatical means of understatement and mitigation speech strategies that modify the communicative intention of the speaker.

The object of the study is emotional and evaluative means aimed at the implementation of evasion strategies in diplomatic discourse as a sequence of specific speech acts (based on the statements and speeches of the Russian diplomat Vasily Nebenzya). The subject of the study is to identify and compare those emotional and evaluative means from the pragmatic point of view. The relevance of the problem under study is due to the need to analyze the characteristic Russian-language and English-language means and techniques of evasion strategies that are used in diplomatic discourse, when the state of affairs in the world may not be entirely conducive to the implementation of traditional speech tactics. The methods used in the work are the descriptive method, the method of continuous sampling, and the comparative method. It was found that the Russian-language lexical and grammatical means partially correspond to the classification of Yu. B. Kuzmenkova adopted for English-speaking communication. In particular, it was revealed that the technique of minimizing the significance is not actively used in order to express disagreement with restraint, to express disapproval. The range of functional semantics of Russian-language particles is wider and focuses not so much on the function of minimizing the significance of an utterance, but on strengthening and emphasizing significance. There was revealed the use of various techniques within the framework of one strategy when translating Russian speech into English. The pragmatic attitudes of the strategies used also often do not coincide. However, despite the differences in the ways of achieving goals, understatement and mitigation are recognized as integral strategies of speech behavior in diplomatic discourse. At the same time, the conducted analysis testifies to the difficulty of applying the classification by Yu. B. Kuzmenkova in the transition from emotional-evaluative vocabulary to the syntax of the Russian language in the case of using interrogative sentences of phraseologized structure. They may involve not only mitigation of direct motivating statements, but also affirmation or denial with enhanced emotional and evaluative meaning, which is not typical for English speech, which is aimed at understatement of speech acts of incentive, assertion, disagreement, rejection, uncertainty, negative evaluation, negative attitude.

Keywords: *speech act, statement, communicative goal, pragmatic purpose, speech strategy, subjective modality, modifier, diplomatic discourse*

Введение. Целью данной работы является сопоставление конкретных русскоязычных и англоязычных языковых средств, модифицирующих коммуникативное намерение говорящего в ходе произнесения высказывания в контексте дипломатического дискурса. Объектом исследования являются единицы языка, реализующие тактику регуляции значимости высказывания, тактику отрицания как намека, тактику использования вопросов с целью смягчения категоричности или резкости высказывания. Предметом нашего исследования является выявление конкретных лексико-грамматических единиц в качестве средств реализации речевых стратегий маневрирования Ю. Б. Кузьменковой. Теоретической основой данной публикации являются положения о категории модальности в русском языке В. В. Виноградова [1]; понятии речевого акта, заложенном Дж. Остином [10] и Дж. Р. Серлом [12]; хеджировании в контексте дискурса О. Д. Пастуховой [11], R. Markkanen [20], V. Namsaraev [21], E. L. Safronenkova [22]; иллюкутивных типах вербальной эмпатии А. А. Кузнецовой [8]; речевых стратегиях и тактиках О. С. Иссерс [5], А. П. Сквородникова [13]; коммуникативной категории митигации С. С. Тахтаровой [14], С. Ш. Каракуловой [6]; речевой стратегии намека В. Г. Ивановой [4], W. J. Ball [17], B. Fraser [18], A. Hubler [19]; стратегиях маневрирования Ю. Б. Кузьменковой [7], дипломатическом дискурсе Т. А. Волковой [2].

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью анализа характерных русскоязычных и англоязычных средств и приемов стратегий речевого общения, которыми владеет и которые применяет автор речей «здесь и сейчас». Они находят широкое употребление в контексте дипломатического дискурса. Ситуация в мире требует особого искусства дипломатии и убеждения, отточенность и стратегическая продуманность которых, несмотря на острые споры во время заседаний, дает возможность мастерски отстаивать интересы нашей страны и сохранять хорошие отношения с коллегами.

Материал и методы исследования. Материал для анализа взят из текста стенограмм выступлений (с 24 февраля 2022 по 21 июня 2022 г.) советского и российского дипломата Василия Небензи, постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций и в Совете Безопасности ООН с 27 июля 2017 г. В работе были использованы методы описания, сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования и их обсуждение. В данной работе представлены в конкретном виде лексико-грамматические средства стратегии намека и стратегии смягчения с акцентом на прагматические установки их употребления, выявлена связь с категорией модальности. Мы сосредоточились на особенностях русскоязычного дипломатического дискурса в сравнении с англоязычным и обнаружили частичное соответствие выявленных лексико-грамматических единиц классификации речевых стратегий маневрирования Ю. Б. Кузьменковой. Ей удалось в определенной степени упорядочить англоязычные лексико-грамматические средства по единому признаку, а именно с точки зрения их прагматических установок при реализации коммуникативных целей высказывания.

Принимая во внимание ментальность адресатов – носителей английского языка, в своей речи дипломат активно использует лингвистические средства тактики использования вопросов с целью смягчения категоричности или резкости высказывания для реализации речевого акта побуждения (осложненного требованием информации). Вместе с тем отмечается довольно частое несовпадение средств реализации прагматических установок, существующее в двух языках. Так, в рамках тактики регуляции значимости высказывания в русскоязычном дискурсе чаще используются те категории наречий и частиц, прагматическая установка которых отнюдь не преуменьшать и сглаживать коммуникативное намерение говорящего, а выражать его напрямую. Считаем одной из причин различий принятую в англоязычном общении сдержанность в выражении негативной эмоциональной оценки, неблагоприятного мнения, отрицательного отношения. При этом проведенный анализ свидетельствует о сложности применения данной квалификации при переходе от эмоционально-оценочной лексики к синтаксису русского языка. Сравнение показало, что с целью адекватного перевода с русского на английский автор прибегает к различным техникам одной и той же стратегии или даже вне ее, причем часто некоторые лингвистические средства (смещенное отрицание) и техники (техника смягчения вопросительных высказываний) нетипичны для русскоязычного дискурса.

Начнем с уточнения терминологии с точки зрения теории речевого акта, сосредоточенной на анализе иллокутивных сил. Согласно ей, термины «речевой акт» и «иллокутивный акт» часто употребляются как синонимы. По Дж. Остину, иллокутивный акт (англ. *illocutionary act*) – ‘выражение коммуникативной цели / намерения в процессе произнесения некоторого высказывания’ [10]. Само высказывание – это речевое произведение, создаваемое в ходе конкретного речевого акта и рассматриваемое в контексте дискурса как последовательность речевых актов. Дж. Серл предложил классификацию речевых актов, согласно которой иллокутивные силы объединяют речевые акты в классы, среди которых наибольший интерес представляют информативные речевые акты или сообщения, акты побуждения, акты, выражающие эмоциональное состояние, в том числе формулы социального этикета [12]. Считаем, что термин «субъективная модальность», понимаемая как личная позиция говорящего по отношению к содержанию сообщения, связан с термином «речевой акт» с точки зрения прагматики, поскольку основными сферами ее интересов являются: а) отношение говорящего к тому, что он сообщает; б) иллокутивные силы / функции речевого акта; в) речевые тактики. В Русской грамматике И. Ю. Шведовой приводится перечень собственно оценочных значений субъективной модальности, таких как несогласие, неприятие, отрицательная оценка (неодобрение, порицание, осуждение);

различные виды волеизъявления (решение, призыв, побуждение, предостережение, угроза); недоумение/непонимание; стремление разъяснить что-либо; стремление акцентировать что-либо в сообщении, усилить или, наоборот, ослабить какую-то часть заключенной в нем информации или внимание на чем-либо; представление чего-либо как неподлинного или несоответствующего действительности [16, с. 216]. В зависимости от эмоционального отношения говорящего эти значения могут иметь уверенно категорическую или смягченную и ослабленную окраску. Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю под редакцией В. Н. Ярцевой [9], в русском языке факультативная функционально-семантическая категория «субъективная модальность» реализуется включением вводных слов, словосочетаний и предложений; модальных частиц; при помощи порядка слов, например, *Не сказать несколько слов в отношении того, что говорил украинский постпред, невозможно* (главный член предложения отнесен в конец для выражения отрицательного отношения); специализированной структурной схемой предложения, например, *А как можно не упомянуть про леденящие кровь преступления укронацистов за эти 8 лет?* (для выражения резкого неодобрения, осуждения). Вышесказанное дает основание предположить, что объект нашего исследования функционирует, в зависимости от подхода, и как модификатор иллокутивной цели говорящего, и как модификатор собственно оценочных значений субъективной модальности.

В рамках стратегий маневрирования Ю. Б. Кузьменкова, опираясь в своей классификации на прагматический подход, выделяет следующие речевые тактики и техники их реализации [7]:

Стратегия намека (Understatement)

Тактика регуляции значимости высказывания (Downtoning Information)	Тактика отрицания как намека (Understatement through negation)
Техника минимизации значимости (Minimizing adverbs). Техника снижения определенности (Fillers and verbs of intention)	Техника использования прямого отрицания (Explicit negation). Техника скрытого и двойного отрицания (Implicit and double negation)

Стратегия уклонения/смягчения (Softening/Mitigation)

Тактика уклонения от ответственности за объективность суждения (Softening Statements)	Тактика использования вопросов с целью смягчения категоричности или резкости высказывания (Softening with questions)
Техника представления суждения как личного мнения (Personalising opinions). Техника представления суждения как обобщения (Generalising and probability phrases)	Техника смягчения прямых побудительных высказываний. Техника смягчения вопросительных высказываний (Questions Softening questions)

Учитывая особенности англоязычной коммуникации, которая требует смягчения, ослабления целеустановки, следует прибегать к тактикам стратегий маневрирования. Так, для того чтобы ослабить нежелательные эмоции слушателей при необходимости скрыть неприязнь (negative attitude), сгладить остроту отрицательного мнения (negative opinion), возможно, согласно Ю. Кузьменковой, прибегнуть к речевой тактике регуляции значимости высказывания с техникой минимизации значимости высказывания. Их орудием являются так называемые модификаторы (modifier/qualifier) – синтаксические единицы в словосочетании или предложении, которые изменяют значение другого слова, словосочетания,

предложения, называя их свойства, качества или характеристику. Их функцию в данном случае выполняют наречия меры и степени, выделительно-ограничительные частицы, а также частицы, выражающие субъективное отношение, назначение которых подчеркивать стремление к смягчению, ослаблению, неполноте, нерезкости, предположительности, условности высказывания.

Анализ текста речи дипломата свидетельствует, что предпочтение отдается не наречиям меры и степени качества – градуаторам низкой степени величины признака. К таким относятся наречия *slightly* ‘слегка, немного, незначительно’; *a little* ‘немного, слегка, несколько’; *a bit / a little bit* ‘немного, немножко, слегка, чуть-чуть, чуточку, мало, малость, капельку’; *somewhat* ‘несколько, довольно, отчасти, чуть, слегка, некоторым образом, в некоторой степени’. Предпочитаются наречия средней / достаточной величины, полноты признака *довольно, достаточно, весьма, изрядно, вполне, порядком*. Ср.: *Стоит отметить, что США и их западные союзники были весьма заинтересованы в таком распространении украинского национализма на почве русофобии*. ‘It is worth mentioning that the United States and its Western allies were rather interested in this spread of Russophobia-based Ukrainian nationalism’ [23]. *Так что сегодняшние заявления, особенно западных делегаций, звучат довольно лицемерно*. ‘So today’s statements, especially that of Western delegations, sound rather hypocritical’ [25]. Обнаруживается, что чаще используются выделительно-ограничительные частицы *только, всего, лишь, хоть (бы), хотя бы, исключительно, единственно, именно, просто*, которые подчеркивают сильную степень ограничения. Ср.: *Украина просто использовала Пакет, чтобы выиграть время для подготовки военных действий против Донбасса и России*. ‘Ukraine merely used the Package to win some time for military preparations against the Donbas and Russia’ [23]. *Те, кто обвиняет нас, просто пытаются преуменьшить свою собственную роль в провоцировании этого кризиса и делают вид, что это не имеет никакого отношения к ним*. ‘Those who blame us merely try to downplay their own role in provoking this crisis and pretend that it has nothing to do with them’ [25]. Приведенные выше выделительно-ограничительные частицы несут семантическое значение ‘по меньшей мере’, ‘ничего другого, кроме’, что свидетельствует об усиленном эмоционально-оценочном значении высказывания. Более того, находят употребление усилительные частицы *же, даже, уж, ведь, все-таки, прямо, все же, и, а*, модифицирующие коммуникативное намерение говорящего, выражающего отрицательное мнение, отношение, оценку (несогласие, предупреждение, опасение, угрозу, упрек). Ср.: *Первые же шаги киевской хунты стали прямым подстреканием к насилию против русскоязычного населения*. ‘The very first steps made by the Kiev junta incited violence against Russian-speaking population’ [23]. Они более предпочтительны частицам *что-то, вроде (бы), разве, неужели, ровно, словно (бы), точно (бы), будто, (как) бы, (как) будто, будто бы, было*, выражающим предположительность, условность, сравнение. Ср.: *Картина вроде бы складная, но абсолютно лукавая*. ‘A nice picture, though absolutely deceitful’ [24]. К тому же в русском языке усилительные частицы могут функционировать как частицы-союзы для выражения собственно связи (*а, и*), противопоставления (*ведь, да, даже, так, просто, только, же*), следственной связи (*и, вот и, оно и, так, так и*), недостоверного сравнения (*ровно, точно, словно, будто бы, будто, как будто*), уступки (*все, все-таки, пусть, пускай, хоть*), противопоставления (*разве*). Например, *Хочу спросить их, а где вы были 8 лет? А ведь наши предложения, содержащиеся в проекте, или гораздо дальше озвученного нашими западными коллегами списка* [26]. Приведенные примеры в целом свидетельствуют о наличии совпадающих техник смягчения речевых актов в рамках стратегии намека, передающих несогласие, неприятие, отрицательную оценку, однако в рассматриваемом контексте диапазон функциональной семантики русскоязычных частиц шире и ограничивается не только функцией минимизации значимости высказывания.

Далее перейдем к анализу некоторых средств стратегии смягчения / уклонения. В традициях русской коммуникативной культуры не принято вуалировать откровенность волеизъявления. Директивные высказывания часто откровенно побуждают к действию, они громко апеллируют к чувству долга, считая необязательным прибегать к иносказаниям, в то время как в англоязычной коммуникации семантическое значение побуждения 'Я хочу, чтобы ты это сделал' традиционно маскируется прагматическими средствами тактики использования вопросов с целью смягчения категоричности или резкости высказывания с техникой смягчения прямых побудительных высказываний [3]. Ср.: *А если вы так не считаете, то почему поддерживаете запущенную украинскими политехнологами кампанию Cancel Russia?* 'If you do not think so, then why do you support the Cancel Russia campaign?' *Почему от подобных ассоциаций вас передергивает, а с русскими можно обращаться таким образом?* 'You cringe at such associations, but why do you think Russians can be treated like this?' [23] (речевой акт побуждения, осложненный требованием информации) [20]. К тому же в русском языке существуют предложения, построенные по собственным синтаксическим правилам, например, предложения фразеологизированной структуры, в состав которых входят устойчивые сочетания, выполняющие функцию вопросительных частиц, типа *Что толку?*(выражает экспрессивное отрицание), *Как/Почему не согласиться?* (означают экспрессивное утверждение возможного или целесообразного). Конструкции типа *Это ли не счастье? Ему ли не понять этого? Их ли нам бояться?* выражают эмоционально окрашенное утверждение или отрицание. Например, *Но вам ли читать нам мораль?* [29]. Конструкция типа *Почему бы не уехать?* означает вопрос о возможности, осложненный советом и утверждением. Например, *Почему бы не предположить, что «Новичок»... был доставлен из Сирии?* [28]. Такого типа конструкции вопросительные лишь по форме, они предполагают утверждение или отрицание с усиленным эмоционально-оценочным значением, что нехарактерно для английской речи, нацеленной на снижение экспрессии речевых актов побуждения с помощью данной тактики. Действительно, в русском языке с помощью вопроса можно не только смягчить побуждение, но и речевые акты, передающие другие коммуникативные намерения. Например, с целью смягчения речевого акта «резкое неодобрение, осуждение» применяются устойчивые конструкции типа *Разве можно?/Как можно!* (разг.) с семантическим значением 'никак нельзя'. Ср.: *А как (можно) забыть о накачке ее оружием, из которого потом убивались мирные жители на Донбассе? О каком сотрудничестве можно говорить, когда вы, очевидно, заняли сторону в этом конфликте?* [28].

Перейдем к анализу тактики отрицания как намека с техникой использования прямого отрицания. Вполне очевидно, что В. Небензя широко использует все лексико-грамматические средства, среди которых: а) замещение эмоционально окрашенного слова в утвердительной конструкции на более нейтральный синоним в отрицательной конструкции. Например, *Коллеги, сложно не поразиться вашей непоследовательности: не далее, чем в прошлую среду, т. е. меньше недели назад, большинство из вас отвергло наш проект гуманитарной резолюции* [26]. Ср.: *И это были не пустые угрозы.* 'By the way, those were not empty threats' [23]. *Это не выглядит случайностью.* 'This does not look like a coincidence' [27]; б) приглагольное отрицание при наличии обстоятельственных членов, наречий меры и степени – градуаторов высокой степени величины признака. Например, *И это – далеко не новость* [23]. *При этом виновные в одесской трагедии известны и особо не скрываются* [28]; *К сожалению, у нас есть основания полагать, что эти надежды не сбылись в полной мере* [29]; в) смещенное отрицание в предложениях при наличии в главном предложении эпистемических глаголов, модальных глаголов, кратких прилагательных (*должен, обязан*), наречий / слов категории состояния (*надо, нужно, нельзя, можно, следует*), причастий/деепричастий (*пытающийся, желая*). Однако следующий пример свидетельствует

о нетипичности смещенного отрицания для русскоязычного дискурса. Например, *Думаю, нет необходимости подробно останавливаться на том, почему Россия проголосовала против проекта псевдогуманитарной резолюции, который был выдвинут западными странами и Украиной* [26].

Среди средств техники скрытого/имплицитного отрицания, используемых для ослабления воздействия эмоционально окрашенных слов при выражении негативного отношения, несогласия, неприязни, неодобрения, объяснений, предложений, утверждений, отмечается использование: а) глаголов, причастий, наречий, союзов, в семантике которых содержится отрицание (*лишенный, лишаться, отказаться, отрицать, сомневаться, запрещать, воздержаться, удерживаться, бояться, ждать, отсутствовать, избегать, отрицать, пока не*). Ср.: *Попытка игнорировать позицию России... противоречит самим основам Устава ООН. 'An attempt to disregard the position of Russia and ignore it contradicts the very basics of the UN Charter'* [26]; б) частиц, выражающих неуверенность/неясность/сомнение/неопределенность отношения (*вряд ли, едва ли, навряд ли, авось*) с семантическим значением 'близкое, но не осуществившееся действие; близкий, но не выявившийся признак', соответствующих английским наречиям негативного значения *hardly* 'едва, едва ли', *scarcely* 'чуть (ли) не, едва (ли) не, почти не, вряд ли, только, с трудом, практически не', *barely* 'только, просто, едва, лишь', *nearly* 'почти', *almost* 'почти, едва не, чуть ли не, не очень, не совсем'. Ср.: *Однако такое принятие желаемого за действительное вряд ли поможет европейцам 'However this sort of wishful thinking will hardly help Europeans'* [24]; *После начала нашей СВО на Украине мы отмечаем едва ли не «квантовое ускорение» в продвижении установок на то, что во всем виновата Москва. 'After we started a special military operation in Ukraine, the allegations against Moscow have made a "quantum leap" [24]; в) предлогов, соответствующих английским предлогам *without* «без», *against* «против», *away* «прочь», *from* «от, из, с», *off* (значение удаления, отделения), *out of* «из, вон, вне, наружу», часто в сочетании с инверсией. Ср.: *В результате гуманитарии на местах остались без ряда судьбоносных решений. 'As a result, humanitarians on the ground were left without some crucial decisions'* [26].*

В результате сравнения обнаруживается использование лингвистических средств различных техник в рамках одной стратегии при переводе с русского на английский язык. Ср.: *В подобной обстановке неудивительно (техника использования прямого отрицания), что Мариуполь стал едва ли не (техника скрытого и двойного отрицания) лидером по числу и изощренности фейков. 'In this situation it's little (техника минимизации значимости) surprise that Mariupol is almost (техника скрытого и двойного отрицания) a leader in terms of the number and sophistication of fakes'* [28]. *Все эти фейки неоднократно (техника использования прямого отрицания) опровергались. 'All those fakes were repeatedly debunked'* (техника скрытого отрицания) [28]. Прагматические установки используемых стратегий также могут не совпадать, например, двойное отрицание и в русском языке служит смягчению негативного отношения (предупреждения, предостережения), оценки (упрека, укора, сожаления). *Разве это не ненавистная риторика и политика? 'Isn't it hateful rhetoric and policy?' И никто из западных кураторов Киева его не одергивает. 'And none of Kiev's Western sponsors checks him'* [23]. Однако в предложениях с отрицательными предикативами *нельзя, невозможно*, глаголом *мочь*, сочетаниями *не имеет права, не в силах, не имеет основания* и примыкающим к ним инфинитивом в результате снятия отрицания возникает категорическое утверждение с оттенком долженствования. Например, *Не могу не отметить целеустремленность тех, кто взялся за изучение русского, не являясь при этом его носителем. Не могу не отметить, что в пропагандистском угаре наши западные коллеги очень часто используют картинки из Донбасса, выдавая их за последствия так называемой «российской агрессии» на Украине* [29]. Ср.: *Нельзя не выразить обеспокоенность в связи с участившимися случаями конфискации вооруженными силами Украины*

транспортных средств с маркировкой ООН. 'We cannot but express concern over reoccurring cases of confiscation of UN-marked vehicles by Ukrainian armed forces' [26]. *Это не может не наводить на мысли, что Соединенным Штатам есть что скрывать.* 'This cannot but make us think that the United States has something to conceal' [29].

Выводы. Подводя итог, мы исходим из определения Т. А. Волковой, считавшей дипломатический дискурс «совокупностью лингвистических средств, направленных на сотрудничество и достижение взаимопонимания» [2]. Однако вышеизложенное свидетельствует о расхождении русскоязычного и англоязычного поведения с его повышенным вниманием к формальной стороне общения, а не информативной. Это ведет к несовпадению прагматических установок речевых стратегий. Например, в англоязычном дискурсе принято преувеличивать позитивную оценку и преуменьшать негативную, в русскоязычном – критика, упрек, обвинение чаще выражаются преувеличенно категорично, а комплимент, похвала преуменьшаются. В англоязычном дискурсе приказ, предложение, просьба, совет передаются неоднозначно, в русскоязычном побуждение принято выражать прямолинейно. Как результат, наблюдается частичное совпадение и уместность применения русскоязычных и англоязычных языковых средств техники минимизации значимости, техники использования прямого отрицания, техники скрытого и двойного отрицания, техники смягчения вопросительных высказываний, которые способны не только ослаблять целеустановку, но и усиливать коммуникативное намерение говорящего в ходе произнесения высказывания. Искусство дипломата заключается в учете особенностей и расхождений речевых стратегий с целью достижения взаимопонимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. – М. : Высш. шк., 1981. – 319 с.
2. Волкова Т. А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2007. – 23 с.
3. Демьянова Т. В. Лингвистические средства реализации стратегий маневрирования (на материале русского и английского языков) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2021. – № 2(111). – С. 46–56.
4. Иванова В. Г. Лингвистические аспекты изучения understatement в современном английском языке // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 5 (32) – С. 252–258.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. 3-е, стер. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 284 с.
6. Каракулова С. Ш. Реализация митигативной стратегии смягчения оценки в интервью с немецкими политиками // Научный диалог. – 2016. – № 2(50). – С. 52–62.
7. Кузнецова А. А. Иллокутивные типы вербальной эмпатии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Уфа : Башкир. гос. мед. ун-т, 2010. – 24 с.
8. Кузьменкова Ю. Б. Азы вежливого общения = ABC's of effective communication. – М. : Титул, 2001. – 112 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
10. Остин Д. Слово как действие : пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 7. – С. 38–94.
11. Пастухова О. Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом дискурсе (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Челябинск, 2019. – 201 с.
12. Серл Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – С. 170–194.
13. Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика ↔ Лингвистика : сб. ст. – Смоленск : СГПУ, 2004. – Вып. 5. – С. 5–11.
14. Тахтарова С. С. Коммуникативная личность в параметрах смягчения (на материале художественной коммуникации) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – Вып. 21. – № 16(117). – С. 158–165.
15. Шведова И. Ю. Русская грамматика : в 2-х т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – Т. I. – М. : Наука, 1980. – 689 с.

16. Шведова И. Ю. Русская грамматика : в 2-х т. / редкол.: И. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – Т. II. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
17. Ball W. J. Understatement and Overstatement in English // *English Language Teaching*. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 424 p.
18. Fraser B. Conversational Mitigation // *Journal of Pragmatics*. – 1980. – № 4. – P. 341–350.
19. Hubler A. Understatement and hedges in English. – Amsterdam : Philadelphia : Benjamins, 1983. – 192 p.
20. Markkanen R., Schröder H. A. Challenge for Pragmatics and Discourse // *Hedging and Discourse*. – Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 1997. – P. 3–21.
21. Namsaraev V. Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts // *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts* / ed. R. Markkanen, H. Schroder. – Berlin ; N. Y., 1997. – P. 64–79.
22. Safronenkova E. L. Hedging vs tolerance in presenting the scientific result in research articles (based on English research articles of the humanities field) (на материале англоязычных научных статей гуманитарного профиля) // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. – 2019. – Т. 10, № 3. – С. 51–57.

ТЕКСТЫ СТЕНОГРАММ

23. Выступление Постоянного представителя России при ООН В. А. Небензи в ходе заседания СБ по проблематике подстрекательства к насилию в контексте ситуации на Украине и вокруг нее (21 июня 2022).
24. Выступление Постоянного представителя России при ООН В. А. Небензи на заседании СБ ООН по теме конфликтов и продовольственной безопасности (19 мая 2022).
25. Выступление Постоянного представителя России при ООН В. А. Небензи на заседании СБ ООН по гуманитарной ситуации на Украине (29 марта 2022).
26. Выступление Постоянного представителя России при ООН В. А. Небензи по мотивам голосования ГА ООН по проекту резолюции по гуманитарной ситуации на Украине (24 марта 2022).
27. Выступление и ответное слово Постоянного представителя России при ООН В. А. Небензи на заседании СБ ООН по вопросу о биологических лабораториях на Украине (18 марта 2022).
28. Выступление Постоянного представителя России при ООН В. А. Небензи на заседании СБ ООН по гуманитарной ситуации на Украине (17 марта 2022).
29. Выступление и ответное слово Постоянного представителя России при ООН В. А. Небензи на заседании СБ ООН по вопросу о биологических лабораториях на Украине (11 марта 2022).

Статья поступила в редакцию 17.05.2022

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. Problemy russkoj stilistiki. – M. : Vyssh. shk., 1981. – 319 s.
2. Volkova T. A. Diplomaticeskij diskurs v aspekte strategichnosti perevoda i kommunikacii: na materiale anglijskogo i russkogo yazykov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. – Tyumen' : Tyumen. gos. un-t, 2007. – 23 s.
3. Dem'yanova T. V. Lingvisticheskie sredstva realizacii strategij manevrirovaniya (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. – 2021. – № 2(111). – S. 46–56.
4. Ivanova V. G. Lingvisticheskie aspekty izucheniya understatement v sovremennom anglijskom yazyke // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. – 2013. – № 5 (32) – S. 252–258.
5. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. – Izd. 3-e, ster. – M. : Editorial URSS, 2003. – 284 s.
6. Karakulova S. Sh. Realizaciya mitigativnoj strategii smyagcheniya ocenki v interv'yu s nemeckimi politikami // *Nauchnyj dialog*. – 2016. – № 2(50). – S. 52–62.
7. Kuznecova A. A. Illokutivnye tipy verbal'noj empatii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. – Ufa : Bashkir. gos. med. un-t, 2010. – 24 s.
8. Kuz'menkova Yu. B. Azy vezhlivogo obshcheniya = ABC's of effective communication. – M. : Titul, 2001. – 112 s.
9. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. V. N. Yarceva. – M. : Sov. encikl., 1990. – 685 s.
10. Ostin D. Slovo kak dejstvie : per. s angl. // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. – 1986. – Vyp. 7. – S. 38–94.
11. Pastuhova O. D. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti evfemizmov v politicheskom diskurse (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04. – Chelyabinsk, 2019. – 201 s.
12. Serl Dzh. R. Klassifikaciya illokutivnyh aktov // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. – M., 1986. – S. 170–194.
13. Skovorodnikov A. P. O neobходимosti razgranicheniya ponyatij « ritoricheskij priem », « stilisticheskaya figura », « rechevaya taktika », « rechevoj zhanr » v praktike terminologicheskoy leksikografii // *Ritorika ↔ Lingvistika : sb. st.* – Smolensk : SGPU, 2004. – Vyp. 5. – S. 5–11.

14. Tahtarova S. S. Kommunikativnaya lichnost' v parametrah smyagcheniya (na materiale hudozhestvennoj kommunikacii) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – Vyp. 21. – № 16(117). – S. 158–165.
15. Shvedova I. Yu. Russkaya grammatika : v 2-h t. / redkol.: N. Yu. Shvedova (gl. red.) i dr. – T. I. – M. : Nauka, 1980. – 689 s.
16. Shvedova I. Yu. Russkaya grammatika : v 2-h t. / redkol.: N. Yu. Shvedova (gl. red.) i dr. – T. II. – M. : Nauka, 1980. – 709 s.
17. Ball W. J. Understatement and Overstatement in English // English Language Teaching. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 424 p.
18. Fraser B. Conversational Mitigation // Journal of Pragmatics. – 1980. – № 4. – P. 341–350.
19. Hubler A. Understatement and hedges in English. – Amsterdam : Philadelphia : Benjamins, 1983. – 192 p.
20. Markkanen R., Schröder H. A. Challenge for Pragmatics and Discourse // Hedging and Discourse. – Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 1997. – P. 3–21.
21. Namsaraev V. Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts // Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts / ed. R. Markkanen, H. Schroder. – Berlin ; N. Y., 1997. – P. 64–79.
22. Safronenkova E. L. Hedging vs tolerance in presenting the scientific result in research articles (based on English research articles of the humanities field) (na materiale angloyazychnyh nauchnyh statej gumanitarnogo profilya) // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. – 2019. – T. 10, № 3. – S. 51–57.

RECORDS

23. Statement by the Permanent Representative of Russia to the UN V. A. Nebenzya at the meeting of the Security Council on the issue of incitement to violence in the context of the situation in Ukraine and around it (June 21, 2022).
24. Statement by the Permanent Representative of Russia to the UN V. A. Nebenzya at the meeting of the UN Security Council on the topic of conflicts and food security (May 19, 2022).
25. Speech by the Permanent Representative of Russia to the UN V. A. Nebenzya at the meeting of the UN Security Council on the humanitarian situation in Ukraine (March 29, 2022).
26. Statement by the Permanent Representative of Russia to the UN V. A. Nebenzya in explanation of the vote of the UN General Assembly on the draft resolution on the humanitarian situation in Ukraine (March 24, 2022).
27. Statement and response of the Permanent Representative of Russia to the UN V. A. Nebenzya at the meeting of the UN Security Council on the issue of biolaboratories in Ukraine (March 18, 2022).
28. Statement by Permanent Representative of Russia to the UN V. A. Nebenzya at the meeting of the UN Security Council on the humanitarian situation in Ukraine (March 17, 2022).
29. Statement and response of the Permanent Representative of Russia to the UN V. A. Nebenzya at the meeting of the UN Security Council on the issue of biolaboratories in Ukraine (March 11, 2022).

The article was contributed on May 17, 2022

Сведения об авторе

Демьянова Татьяна Валентиновна – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-3421-5029>, demyanovatv@mail.ru

Author Information

Demyanova, Tatyana Valentinovna – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages № 2, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-3421-5029>, demyanovatv@mail.ru